

Много слов, мало научности

Незнанов Н.Г.¹, Коцюбинский А.П.¹, Коцюбинский Д.А.²

¹ ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия

² ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Информация об авторах:

Незнанов Н.Г. — ORCID: 0000-0001-5618-4206; e-mail: spbinstb@bekhterev.ru

Коцюбинский А.П. — ORCID: 0000-0002-4826-9688; e-mail: ak369@mail.ru

Коцюбинский Д.А. — ORCID: 0000-0002-3642-0774; e-mail: kd1965@yandex.ru

Как цитировать: Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Много слов, мало научности. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*. 2021;1:29-32. <http://doi.org/10.31363/2313-7053-2021-1-29-32>

Many words, little scientific

Neznanov NG¹, Kotsubinsky AP¹, Kotsubinsky D²

¹ V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology,
St. Petersburg, Russia

² Saint-Petersburg State University

Information about the authors:

Neznanov N.G. — ORCID: 0000-0001-5618-4206; e-mail: spbinstb@bekhterev.ru

Kotsubinsky A.P. — ORCID: 0000-0002-4826-9688; e-mail: ak369@mail.ru

Kotsubinsky D.A. — ORCID: 0000-0002-3642-0774; e-mail: : kd1965@yandex.ru

To cite this article: Neznanov NG, Kotsubinsky AP, Kotsubinsky DA. Many words, little scientific. *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Behtereva*. 2021;1:29-32. <http://doi.org/10.31363/2313-7053-2021-1-29-32>

Сам по себе факт интереса к нашей статье со стороны практикующего врача-психиатра И.Н. Зислина не мог нас не порадовать. Однако, ознакомившись с содержанием подготовленной им рецензии, мы, признаться, были несколько огорчены. И дело, разумеется, не в том, что в тексте Зислина содержится критика — сам по себе институт научной полемики является необходимым условием развития науки, и странно было бы реагировать на аргументированные возражения как-то иначе, нежели благодарно и заинтересованно. Но есть одно важное условие — научная критика должна быть научно структурированной, а проще говоря — дельной. Иными словами, она должна касаться, во-первых, существа обсуждаемой проблемы, и лишь во-вторых и в-третьих — тех аспектов, которые в рамках данного текста играют концептуально вспомогательную роль.

К сожалению, рецензия И.Н. Зислина оказалась написана с изначальным нарушением этого ключевого для любой научно-критической работы, претендующей на релевантность, требования.

И.Н. Зислин, являющийся автором статей и участником бесед, в основном, касающихся этнографических, транскультуральных и антропологических вопросов психиатрии, при анализе нашей

статьи, в центре которой, напомним, находится проблематика клинической психиатрии (конкретно — биопсихосоциальные её аспекты), предпочёл сосредоточиться на том, что, вероятно, ему показалось более удобным для критического разбора. А именно, на частностях и вводных общих местах. Как подчёркивает сам И.Н. Зислин (упоминая себя во множественном числе): «...основные пункты нашего критического обзора касаются первой главы статьи». Выше отмечалось, что уже одно это — фактическое игнорирование ключевых рассуждений и итоговых положений анализируемого научного текста — выводит рассматриваемую рецензию за пределы строго научного поля и помещает её в пространство произвольных публицистических суждений. В таком же — не вполне научном и вполне публицистическом — духе выдержана и стилистика рецензии И.Н. Зислина, позволяющего себе «хлёсткие» реплики в адрес авторов статьи и множественные риторические восклицания, по сути подменяющие аргументированную научную полемику. Однако не станем по данному, хотя и важному, но всё же формальному поводу уклоняться от обсуждения и постараемся ответить на высказанные И.Н. Зислиным замечания по существу.

Автор, ответственный за переписку: Коцюбинский А.П. — e-mail: ak369@mail.ru

Corresponding author: Kotsubinsky A.P. — e-mail: ak369@mail.ru

Уже первое из них сам же автор определяет как «мелочь», которой, однако, посвящает целый абзац, где выражает недоумение по поводу ссылки авторов на издание книги В. Дильтея «Введение в науки о духе» 1883 года: «*Не очень, правда, понятно, почему нужно ссылаться на столь редкое и малодоступное издание, а например, не на собрание сочинений, вышедшее позже на немецком языке, или на русские переводы*» — пишет Зислин, вероятно, не принимая в расчёт, что в научной медицинской литературе существует традиция отсылать к первым изданиям произведений, пребывающих, что называется, на слуху у образованной публики. Впрочем, у нас сложилось подозрение, что сам Зислин о данной фундаментальной книге, заложившей методологические основы современного гуманитарного знания, услышал впервые, поскольку почему-то назвал первый её том, на который дана ссылка в нашем тексте, «статьёй»: «Приведенная ссылка не позволяет заинтересованному читателю обратиться к статье Дильтея».

Далее И.Н. Зислин «уличает» нас в том, что мы якобы с лёгкостью ниспровергаем «*всю науку XVII-XVIII вв., обзывая ее “наукообразной”*». Однако в основе данной критической ремарки лежит тот факт, что И.Н. Зислин попросту не понял (или по каким-то причинам сделал вид, что не понял) смысл следующей нашей фразы: «*Начиная с XVII-XVIII вв., человечество вступило в эпоху рационализма и научности (хотя правильное сказать — наукообразности) любого знания, претендующего на достоверность*». Как нетрудно убедиться, в этом пассаже мы не отрицаем наличия науки в XVII-XVIII вв., но обращаем внимание на тот очевидный факт, что, начиная с эпохи Просвещения, не только научное, но даже паранаучное знание (как, например, теория «животного магнетизма» Франца Месмера) стало нуждаться в наукообразных формах саморепрезентации.

В следующем абзаце И.Н. Зислин сетует на отсутствие в нашей статье развернутой библиографической ссылки, касающейся истории представлений о двуединстве человеческой природы: «*Положение о двуединстве человеческой природы, дискуссия о телесном и духовном имеет столь же длинную историю (никак не менее трех тысяч лет), как и сам современный антропос. Но авторы об исторических корнях такого постулата не упоминают вовсе*». Это замечание впору сравнить с «упрёком» авторов трактата по высшей математике в том, что в их работе нет специальных ссылок на таблицу умножения. Приходит в этой связи ещё раз пояснить уважаемому И.Н. Зислину, что наша статья — не научно-популярный ликбез и адресована специалистам, не нуждающимся в подробном разъяснении и обосновании прописных истин.

Аналогичным образом мы вынуждены отреагировать и на попытку И.Н. Зислина уличить нас в неверной интерпретации социальных функций гуманитарного знания: «*...декларируется, причем без всяких доказательств (как аксиома), что задача гуманитарной науки состоит в том, чтобы*

«предложить социуму некую “правильную мобилизующую (!) парадигму”»». Здесь же И.Н. Зислин выражает недоумение по поводу заковыченности в нашем тексте словосочетания «*правильная мобилизующая парадигма*». Развивая далее свою критическую мысль и подкрепляя её малоуместным в научной полемике анекдотом про «*интеллигентную бабушку*», И.Н. Зислин высказывает несогласие с нашим пассажем о том, что без ответа на базовые вопросы «*ни человек, ни общество не могут чувствовать себя комфортно*», и требует от нас подробной аргументации данных утверждений: «*Здесь мы бы ожидали хоть каких-либо фактов, но, увы, их нет*».

Не скроем, нам показалось несколько странным данное ожидание со стороны автора, незадолго перед тем «подкрепившего» свои пространственные рассуждения о сущности и социальном функционале гуманитарного знания, а равно природе «*комфортности / некомфортности индивидуума*» исключительно отсылкой к анекдоту про «бабушку».

Однако не станем прибегать к спекулятивно-риторическим восклицаниям (как это часто делает в своем тексте И.Н. Зислин) и вновь постараемся ответить по существу.

Что касается кавычек, в которые был помещён предложенный нами термин «правильная мобилизующая парадигма», то они, как нетрудно понять, обозначают не те смыслы, которые постарался приписать им И.Н. Зислин. Кавычки в данном случае лишь констатируют тот очевидный факт, что указанная мобилизующая парадигма может считаться правильной не безусловно, но лишь в той мере, в которой она представляется таковой обществу или тем или иным социальным группам в тот или иной момент их развития.

По сути, речь идёт о феномене социального мифа (мобилизационного мифа, мобилизующего мифа), комплексное научное осмысление которого, спровоцированное началом эпистемологического кризиса модернизма и, в частности, позитивистской парадигмы познания в начале XX века, продолжается уже более ста лет. [Климов И.А. Теория социальных мифов Жоржа Сореля // Sensusnovus.08.07.2015 — URL: <https://www.sensusnovus.ru/featured/2015/07/08/21205.html> (Дата обращения: 21.09.2020)].

За это время представителями различных областей гуманитарного знания — философами, социологами, экономистами, психологами и т.д. — было сказано о социальных мифах уже очень многое. И то, что эти мифы присущи любому социуму — как авторитарному, так и либерально-демократическому («буржуазному»). И то, что социальные мифы следует воспринимать «не как вымысел, а как мобилизующее коллективное представление, как совокупность образов, которые репрезентируют желаемое будущее» [Павлов Д.Н., Мифологизация как инструмент политической пропаганды // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки — 2015. — С. 108.]. И то, что они воспринимаются обществом

как его неотъемлемая реальность. И то, что социальным мифам присущ мобилизационный потенциал — причём не только в политике, но и в других сферах, например, в бизнесе. И то, что эти мифы могут носить как социально деструктивный, так и конструктивный характер. И то, что в своём развитии социальные мифы проходят различные фазы, зачастую циклические. И то, что эти мифы отнюдь не синонимичны идеологиям — об этом, в частности, писал более ста лет назад один из основоположников дискурса о социальных мифах — Ж. Сорель [Климов И.А. — URL: <https://www.sensusnovus.ru/featured/2015/07/08/21205.html> (Дата обращения: 21.09.2020)].

В связи со всем вышесказанным голословно-скептические замечания И.Н. Зислина (не подкреплённые, как и все его прочие рассуждения, никакими ссылками [любопытно, что при этом в «практическом отсутствии» ссылок оппонент упрекает нас, «не замечая» того, что список использованной нами литературы включает 24 наименования] о том, что «можно вполне уверенно сказать» об отсутствии у гуманитарного знания «цели привнести в жизнь мобилизующую парадигму» и о том, что «мобилизационный запал несут в себе в основном религии или идеологии», представляются, как минимум, не бесспорными и явно недостаточными для того, чтобы поставить под сомнение те общие концептуальные положения, которые содержатся в первой части нашей статьи.

Равным образом поверхностной и основанной на недостаточном знании литературы является ремарка И.Н. Зислина, в которой он пытается поставить под вопрос правомерность рассмотрения психиатрической науки не только в естественнонаучном, но также в общегуманитарном контексте: «С каких пор психосоциальная психиатрия стала частью гуманитарной науки? На том основании, что психиатрия должна быть гуманистической? Или об этом в XIX веке говорил Дильтей?» Отвечая на этот вопрос, кажущийся, вероятно, И.Н. Зислину риторическим, мы вынуждены пояснить следующее. Да, именно В. Дильтей выдвинул тезис о том, что фундаментом всего гуманитарного знания является психология, поскольку она есть «первая и элементарнейшая среди всех частных наук о духе; тем самым ее истины образуют основу для последующего строительства» [Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 309-310.]. И далее: «Явления, образующие системы культуры, подлежат изучению только через явления, с которыми имеет дело психологический анализ. Понятия и положения, лежащие в основании познания этих систем, находятся в зависимости от понятий и положений, разрабатываемых психологией» [Там же, с. 322]. Вряд ли есть необходимость специально пояснять, что наряду с психологией, изучающей нормальные проявления человеческой психики, психиатрия, изучающая её патологические проявления, помимо естественно-

научного, органически входит также в гуманитарный научный блок.

Касаясь, наконец, краткого, по собственному признанию И.Н. Зислина, перехода к тому, что составляет главное содержание нашей работы, а именно, к её «психиатрическим главам», вынуждены ответить нашему уважаемому рецензенту также кратко.

К сожалению, краткость автора рецензии в данном случае оказывается сестрой поверхностности и захватской публицистичности, нарушающей каноны научной корректности. Вот один из характерных в этом отношении пассажей, научно-этическая неряшливость которого дополняется синтаксической и пунктуационной аляповатостью: «Вполне в духе с выдвинутым ими тезисом о желательности и необходимости «правильной мобилизующей парадигмы» авторы и предлагают и именно как — биопсихосоциальную модель, соответствующую «холистической диагностике и адекватной ей биопсихосоциальной терапии» (С.11). Оставим в стороне вопрос об авторстве этой модели, приписываемом В. Бехтереву. Она существует, преподаётся и декларируется уже много лет. Но толку от нее немного — еще и потому, что это лишь формально-объяснительная модель, приложимая для всех случаев клинической практики. А то, что в человеке есть и «био»- и «социо»- и «психо» знали еще древние греки».

Вынуждены уточнить, что, несмотря на откровенно пренебрежительное отношение И.Н. Зислина к биопсихосоциальной концепции в психиатрии — которую (концепцию) якобы знали ещё древние греки и которая, по мнению нашего оппонента, никчёмна в силу её универсальности (логика по меньшей мере странная, но не будем на этом останавливать внимание) — в реальности стала развиваться лишь во второй половине XX века. Это было связано с получившим к этому времени научное признание взглядом, согласно которому предметом психиатрии является не только мозг больного, но также весь психосоциальный контекст, в котором этот больной существует. Одной из основополагающих в этой связи явилась концепция А. Адлера (1956), говорившего о важности «индивидуальной психологии» — развитие предложенных им идей сделало Адлера основоположником поворота в сторону социальной психологии и социальной психиатрии. Существенные «шаги» в направлении разработки биопсихосоциальной концепции можно увидеть в трудах К.Голдштейна (1963), который, развивая организмическую концепцию, ввел понятие самоактуализации и показал недостаточность представлений о биологическом гомеостазе. Что же касается В.М. Бехтерева, то в его трудах рассматривались основные положения биопсихосоциальной концепции, однако терминологически они закрепились в работах Г.Л. Энгеля (1982) и способствовали появлению интереса исследователей к изучению психологических особенностей пациентов и характера их социально-го приспособления (McClain T., O'Sullivan P.S., C

lardy J.A., 2004; Незнанов Н.Г., Акименко М.А., Коцюбинский А.П., 2007).

Стремясь поставить ценность биопсихосоциальной концепции под вопрос, И.Н. Зислин высказывает ещё одно суждение, которое невозможно оценить как научное. Так, доказательством ничтожности биопсихосоциальной концепции, согласно автору рецензии, является то, что если бы представление о биопсихосоциальной сущности психических болезней действительно отражало природу болезни, «мы давно разобрались и с генетикой, и с эволюцией, и со смыслом всех душевных сломов». Удивительно слышать такое утверждение — что научные знания якобы конечны — от человека, называющего себя независимым исследователем. И невольно возника-

ет вопрос — от чего именно считает себя независимым уважаемый И.Н. Зислин? От общепринятых канонов научной полемики? Или же от науки как таковой, которая, как известно любому добросовестному ученому, не ставит перед собой заведомо невыполнимой задачи окончательно «разобраться» с тем или иным по-настоящему сложным вопросом и потому всегда сохраняет простор для новых конкретно-прикладных открытий и концептуально-парадигмальных разработок.

Поступила 24.09.2020

Received 24.09.2020

Принята в печать 22.03.2021

Accepted 22.03.2021